

И. Г. ДОБРОДОМОВ

БУЛГАРИЗМ ИЛИ БАЛТИЗМ?

Недавно В. В. Мартынов обратил внимание на белорусское диалектное *капішчэ* „конское кладбище“ (Среднее Полесье), *капіца* „место захоронения скота“ (Могилевщина). Он склонен объяснять этот диалектизм как болгарское заимствование еще антской эпохи (не позднее VI в. н. э.), которое отмечено (но в первоначальном значении) в старославянском *капиште* „языческий храм“ (от *капъ* „образ, изображение, статуя“), откуда проникло и в русский язык (*капище*, наряду с *капъ*). В. В. Мартынов представляет семантическое развитие белорусского слова в следующем виде: „жертвенник, жертвенное место, место, где приносится в жертву домашний скот“ — „место захоронения домашнего скота“¹.

Между тем, для белорусского *капішчэ*, *капіца* можно предположить другую этимологию: этот белорусский диалектизм является производным от балтийского названия могилы (литовск. *kāpas* „могила, яма“, латышск. *kaps* „могила“. Ср. также лексикализацию форм множественного числа литовск. *kapai*, латышск. *kapī* „кладбище“) с помощью славянского специфического суффикса места **iskjo*. Ср. русское *гроб-ище*, *гробовище* (Даль), *могильник* и т.п. Балтийские слова имеют хорошие соответствия в славянских языках: русск. *копоть*, *копыто* и т. п.² В старочешском языке В. Махек отмечает также наличие формы *kor* с вероятным значением „могила“ (*asi gov*), от которой современное чешское *korec* по происхождению уменьшительное на *-ec*. Старочешское *kor* точно соответствует литовскому *kapas* и латышскому *kaps*, которые не имеют глагольного соответствия, подобного славянскому *копати*³. Слово *копéц* в значении „холм, бугор, межевой знак“ известно также и русскому языку, в котором утратился его первоначальный диминутивный характер лексемы.

¹ В. В. Мартынов. Об одном гипотетическом болгаризме, — Тюрские лексические элементы в восточных и западных славянских языках, — Тезисы докладов второго симпозиума 25–27 ноября 1969 г., Минск, 1969, 33.

² В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968, 154.

³ V. Machek, *Slovník etymologický jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957, 218–219.

Правда, в заимствовании балтийского названия могилы *kāpas*, *kaps* для образования наименования *капішчэ*, *капіца* наблюдается не очень характерное для древних балтизмов соответствие гласных: балтийское *a* — белорусское *a*. Скорее в этом случае в белорусских диалектизмах мы ожидали бы гласный *o*. Это фонетическое совпадение гласных в балтийских и белорусских словах, вероятно, можно рассматривать как свидетельство позднего заимствования корня, послужившего основой для загадочного термина *капішчэ*, *капіца*.

Семантическая деградация нового названия кладбища, образованного на базе балтийского корня *кар-*, легко объясняется как результат его взаимодействия со старыми белорусскими названиями кладбища, которые сохранили свое прежнее значение, а новому слову было придано сниженное значение „место захоронения скота, конское кладбище“.

Ввиду отсутствия следов слова *капище* в диалектах других восточнославянских языков (русск. *капище* — книжный старославянизм), следует предпочесть его балтийское происхождение.